

Провинция

Автор:

Владислав Кузнецов

Провинция

Владислав Владимирович Кузнецов

Главный герой, молодой человек двадцати пяти лет по имени Вадим, приезжает на новогодние праздники в родительский дом, в свой родной провинциальный город. Последние семь лет он прожил в крупном городе, но был вынужден остаться с родителями по определённым обстоятельствам.

Владислав Кузнецов

Провинция

1

В школьные годы я подавал надежды. У меня была хорошая успеваемость по всем дисциплинам, я легко поглощал новые знания, внушал своими оценками и стремлением, что однажды получу достойное образование и построю успешную карьеру. Я даже знал, кем я буду. Имея дикий задор внутри, граничащий с трепетом, в старших классах я выбрал для себя профессию политолога, живущим в каком-нибудь крупном городе. Например, в Казани, где я в итоге и получил степень бакалавра, а потом и магистра. Но уже на третьем году обучения окончательно осознал, что ошибся с профессией, и что я вообще не знаю, кем хочу быть, а продолжал учиться лишь потому, чтобы стать хоть кем-то.

В общей сложности я прожил в Казани немногим более семи лет, сначала жил в студенческой общаге, потом скитался по съёмным комнатам. Получив диплом, я перебивался с одной работы на другую, не задерживаясь нигде более двух месяцев. Мне не везло с работой, моё специфическое образование оказалось никому не нужным ещё более чем мне. Я получал лишь ту работу, на которую взяли бы любого неудачника с улицы. Я соглашался на неё, потому что заканчивались деньги, потом, накопив немного, уходил, в очередной раз ощутив себя ничтожеством. И так по кругу.

Меня захватила апатия, мне не хотелось ничего, кроме как сидеть в своей комнате, просматривая серию за серией любимого сериала. Мне было лень выходить даже в ближайший магазин за продуктами. Я врал своим родителям, созваниваясь с ними по телефону, друзьям и соседям, что у меня дела идут в гору, я не показывал своё истинное состояние, потому что больше всего мне не хотелось, чтобы меня поучали или жалели. Я жил так в своём мирке последние года три без денег, женщин, планов на будущее, а потом поехал в свой родной город, к родителям, праздновать Новый год, чего не делал уже с тех пор, как закончил школу.

После Казани мой родной город казался мне маленьким и скучным. Я родом из Альметьевска. Не самый плохой город, в котором можно было родиться, но, приезжая из мегаполиса, даже такому домоседу, как я, не хватает чего-то грандиозного за окном. Теперь я начал понимать подколы своих казанских друзей, которые часто шутили надо мной, будто я приехал из деревни. Я не обижался, да и у них не было умысла меня обидеть, но откровенно не понимал, почему столь не малый город сравнивать с деревней, а, свыкшись с размерами «Третьей столицы», смог прочувствовать их восприятие.

У меня есть старший брат, он женился и три года жил со своей женой в нашей комнате родительской квартиры. Они жили с родителями, потому что копили деньги на переезд в Казань. В свои планы они меня толком не ставили, хотя и я сам не проявлял никакого интереса. Поэтому не знал, как далеки они были от задуманного: много ли им осталось накопить, нашли ли они себе новую работу в Казани и подыскали ли жильё. По моим ощущениям, переезд им сулил ещё очень не скоро, если они вообще не отказались от этой идеи.

Но только прошли праздники, как я уже махал рукой уезжающему такси, которое отвозило брата и его жену в их новую жизнь. Я узнал, что у них всё готово к переезду, прямо за праздничным столом. Все были в курсе этого, я один

ничего не знал, потому что не проявлял должный интерес к жизни своего брата. Помню, как зашёл в дом с улицы и ощутил невероятную пустоту. Я понял, каково им было без меня все эти годы, пока я развлекался с друзьями за множество километров.

А на следующий день, на утро, я увидел, как мама рыдает, ещё лёжа в постели.

– Твой брат уехал, скоро и ты уедешь, что я тут буду делать одна? – говорила она.

Мама и папа не ладили друг с другом с самого моего детства. Я множество раз убеждался в том, что им бы стоило давно развестись. Но они продолжали жить вместе, на своё и моё горе, ссорились и не только. Уже не помню, сколько лет они спят в разных комнатах и не имеют общего бюджета. У них всё порознь, даже полки в холодильнике. А с тех пор, как вышли на пенсию и находятся постоянно друг у друга на глазах, ссоры у них стали обычным методом общения. Поэтому оставить маму с отцом – значило оставить её в одиночестве. Пока мой брат жил с родителями, я был за неё спокоен.

– Я никуда не уеду, – отвечал я маме. – Я останусь здесь с тобой.

Я успокоил её. И остался.

2

В нашем городе был один предприниматель по имени Игнатъев Михаил Васильевич, про него слагали легенды, потому что в его владении некогда была половина всего городского бизнеса. Это преувеличение, конечно, но масштаб его деятельности был настолько велик и многообразен, что о нём знал каждый житель нашего города. Я не застал расцвета его компании, вернее, я тогда был ещё очень маленький. С тех пор Игнатъев терпел упадок, что-то он продал, что-то закрыл, но будучи уже в преклонном возрасте каким-то образом ещё оставался в деле. За работой я направился именно к нему.

Я пришёл по адресу в его офис. Это было пятиэтажное здание, больше напоминавшее гостиницу, собственно, чем оно и являлось много лет назад. При входе меня встретило небольшое помещение с панорамным остеклением. Оно было захлавлено различными офисными принадлежностями, типа столов, стульев и шкафов. На окнах этого помещения можно было разобрать надпись: «администрация гостиницы». Некоторые буквы отсутствовали полностью, некоторые наполовину, но надпись в целом ещё читалась.

Дальше по коридору я наткнулся на отдел кадров. Там сидела очень болтливая женщина с излишне броским макияжем, который подошёл бы какой-нибудь старлетке, изучающей женские секреты красоты, но никак не сорокалетней даме. Её звали Валентина Александровна, и говорила она высоким и громким голосом, на такой невольно сам переходишь, когда увлекаешься болтовнёй и забываешь за собой следить. Но её голос был особенно тонок, к которому я привык не сразу, честно говоря, я не слышал ни разу, чтобы эта женщина говорила нормальным голосом.

Она была приветлива, но говорила так много лишней информации, что я постепенно перестал вслушиваться в её слова. Но прежде я узнал, что открыта вакансия на должность менеджера по аренде недвижимости.

- Неплохо, - говорю.

- Согласны?

- Да.

- Тогда я вас запишу.

Болтливая женщина пообещала мне, что устроит собеседование через три дня, и на сей раз я оделся поприличнее.

Сперва я встретился с руководителем отдела аренды. Этим отделом руководила девушка лет тридцати пяти по имени Гузель, и на тот момент отдел состоял из неё одной. Её кабинет находился по соседству, стенка к стенке, с кабинетом отдела кадров. Оба эти помещения были небольшими по размеру, они когда-то служили гостиничными номерами, судя по всему, одноместными номерами. Мы поговорили с Гузель недолго, она задавала несложные вопросы о моём

образовании и опыте работы. Уже через пять минут мы поднимались на третий этаж, где был кабинет самого Игнатьева.

Для понимания, немного опишу архитектуру того здания. Парадный вход у него был ровно посередине, к нему вела широченная тропа от парковки и высокая лестница с просторным крыльцом. Зайдя внутрь, направо и налево шёл длинный коридор с кабинетами по обе стороны (бывшими гостиничными номерами), и так на всех пяти этажах, за исключением первого, где всё левое крыло занимал один очень известный банк. Напротив парадного входа находилась лестница, пронизывающая все этажи, а также ведущая на цокольный этаж. Эта лестница то шла единым целым, то разделялась по сторонам на пролёте. Старый ремонт, требующий обновления, и старомодные решения, например, множество живых растений у окон и ковры на полах.

Я и Гузель поднялись на третий этаж, повернули направо и прошли до конца по коридору. Нам открылась светлая приёмная комната. Там, за рабочим столом, сидела секретарь в окружении офисной электронной техники. Она что-то печатала на своём компьютере, мельком взглянула на нас, когда я и Гузель проходили мимо, и снова опустила глаза в монитор. Дверь в кабинет Игнатьева была настежь открыта. На самом деле, его дверь всегда была нараспашку, если он никого не принимал у себя. А ещё в его кабинете было невероятно душно. Хоть летом, хоть зимой, заходя к нему, нужно готовиться, что спустя уже пару минут начнёшь запотевать, не смотря на наличие кондиционера, который на моём веку ни разу не включали.

Лично Игнатьева я никогда не видел и не представлял, как он выглядит, до той встречи. Учитывая его репутацию в обществе, я ожидал встретить человека очень статного и рослого. Но предстал предо мной очень низкого роста старичок, протянув мне свою слабую руку, чтобы поприветствовать. Его шею практически не было видно из-за сутулости, небольшое возрастное пузо, худые руки и ноги, полысевшая голова – он выглядел аляповато и не внушал внешним видом авторитет «большого» человека. Конечно, на момент нашего знакомства, Игнатьеву было немного за семьдесят, но я разочаровался не в его старости, а в его простоватости. Ведь он даже одевался под стать своему ветшающему бизнесу: исключительно мешковатые джинсы, дешёвые кроссовки и монотонный свитер или тонкий джемпер, в зависимости от времени года.

Мы втроем сидели за столом. Гузель уткнулась в телефон, а я и Игнатьев беседовали. Его не сильно интересовало моё образование и опыт работы, он

говорил так, будто я был единственным претендентом на должность, и, скорее всего, так оно и было.

– Я уже не могу за всем уследить, сильно сдал с возрастом. Видимо, женщины меня не вдохновляют, как прежде, – откровенничал он со мной. – Множество помещений у нас пустует. Когда-то мы занимались всем, что имеем, но сейчас мне легче сдавать всё в аренду. У нас есть склады, магазины, рестораны... Гузель наработала неплохую базу клиентов, я доволен её работой, к ней у меня нареканий нет. Но она одна не справляется с таким объёмом, поэтому нам нужен человек, который будет искать арендаторов в интернете. Как ты будешь действовать?

Он так резко прервал свою речь этим вопросом, что озадачил меня им, но я не подал виду и произнёс:

– Прежде всего, начну подавать объявления на специальных площадках. Сначала выложу объявления на бесплатных сайтах, потом можно пробовать и платные.

– Вот, – протянул Игнатъев. – Я изучал этот вопрос. Есть много сайтов, где можно выложить объявления об аренде полностью бесплатно, необходимо разместиться на всех этих сайтах. У тебя есть такой опыт?

– Есть, – отвечаю, а сам думаю, что эти люди совсем не дружат с интернетом, раз считают эту работу сложной, требующей специалиста. Как по мне, нет ничего проще, чем выложить дуратское объявление на каком-либо сайте. С этим справится любой школьник начальных классов. Чуть позже я узнал, что я был самым младшим сотрудником во всей компании, и что кроме меня и Гузель не было там человека младше сорока лет.

Я получил работу, пройдя своё самое лёгкое собеседование в жизни.

В свой первый рабочий день я пришёл раньше нужного времени. Как оказалось, зря, потому что мне пришлось ещё полчаса ждать Гузель, пока она придёт с ежедневной утренней планёрки.

– Тебе собирают компьютер. Он ещё не готов, – говорила Гузель, отворяя дверь своего кабинета. – Сегодня ты будешь работать в приёмной. Верхнюю одежду можешь оставить здесь.

Я разделся и поднялся на третий этаж, в приёмную, где сидела секретарь. Её звали Лиля, она была не по годам миниатюрной, статной, невысокого роста женщиной. Я бы желал, чтобы моя жена, если я когда-нибудь женюсь, выглядела столь же привлекательно в зрелом возрасте, как Лилия. Видимо, в молодые годы она была очень худенькой, раз её фигура так превосходно сохранилась.

Когда я поднялся, Игнатьев беседовал с кем-то у своего кабинета. Он позитивно поприветствовал меня и даже отпустил шутку, а потом, как освободился, вручил один из своих ноутбуков. Мне пришлось работать в приёмной, потому что только там был wifi, необходимый для работы, пока настраивали мне личный компьютер. В этой приёмной было два ряда столов, стоящие друг напротив друга. Одну сторону, практически полностью, занимала Лилия и её армия офисной техники. На другую сторону пришлось сесть мне, причём я выбрал место, точно напротив Лили.

– Вы не против? – спрашиваю я её.

– Вовсе нет, – отвечает она.

Я занимаю место и тут же замечаю, что эти столы полностью открыты, то есть не имеют никакого заграждения вниз от столешницы. Лилия была в юбке, и я сразу же смог оценить красоту её ног. Они стояли вместе, неподвижно, как у школьницы. Её юбка была выше колен, поэтому я молил всех богов, хотя не верю ни в одного, чтобы она раздвинула свои ножки и пролила свет на промежность. Но ножки Лили оставались неподвижно, хотя её руки то и дело бегали по всему столу от телефона к факсу, от принтера к сканеру, от одной стопки документов к другой. Вряд ли Лилия замечала мой мимолётный взгляд, скорее всего, она, как и все утончённые женщины, была очень внимательна к подобным ситуациям. Когда на женщине юбка, тем более, выше колен, то на генном уровне её ноги

будут собраны вместе. Им и не нужно ощущать на себе мужской взгляд, женское подсознание заботится об их целомудрии ежесекундно.

Гузель дала мне список всех объектов, которые находились в компании и не имели своего арендатора. Всего их было несколько десятков, напротив каждого объекта была небольшая информация о нём: адрес нахождения, площадь, чего-то ещё, и, главное, цена. Там были торговые площади, складские помещения, рестораны, гостиницы, хостелы, офисы, автомойки, теплицы, парковки, животноводческие постройки, завод по производству хлебобулочных изделий, мясной и молочной продукции. Я перечислил большую часть, но не всю. Мне предстояло подать объявление о каждом объекте, на каждом бесплатном сайте по поиску арендаторов, который я смог найти.

Как оказалось, подобных сайтов существует не мало. Я потратил весь день на очень простую, но невероятно скучную работу. И уже к концу моего первого рабочего дня понял, что работать здесь будет не столь увлекательно, как мне представлялось изначально.

На следующий день мой компьютер так и не был готов. От Гузель я получил задание: продолжать в том же духе. Я снова поднялся в приёмную и уселся за прежнее место. Лиля была в обычных джинсах – смотреть особо было не на что, зато мы с ней смогли разговориться. Когда я зашёл, мы пожелали друг другу доброго утра, и потом она спросила:

– Тебя вообще как зовут?

– Вадим. А тебя?

– Лилия. Ты кем здесь работаешь?

– Я менеджер по аренде. Но пока просто подаю объявления.

– Ты из отдела аренды?

– Да.

– Этим отделом руководит Гузель? Или как её зовут?

- Ты не знаешь?

- Я здесь ещё никого не знаю, работаю вторую неделю.

Лиля была очень открыта в общении. Она любила немного пошутить и охотно смеялась над своими шутками. Определённо, она была самой красивой и желанной из всех женщин, работавших в компании. Для продуктивной работы сексуальные коллеги просто необходимы. Нужна та, которую можно мысленно раздеть, на которую будет гарантированный твёрдый стояк, чтобы не сгнить на рабочем месте. Только такие женщины способны скрасить жалкие дни, проведённые на нелюбимой работе.

- Ты можешь мне помочь? Мне прислали файл, а он не открывается.

- Могу.

Сидя в приёмной, около кабинета Игнатъева, уже второй день, я заметил, что он часто и надолго отлучался. Когда его не было, я и Лиля чувствовали себя свободно, заметно снижая свой темп работы. А ещё из своего кабинета он всегда связывался с Лилей исключительно по телефону, хотя сидел в десяти метрах от неё с настезь открытой дверью. Это выглядело забавно, потому что я отчётливо слышал и его голос, и, естественно, Лилю, когда они говорили по телефону.

Иногда у кабинета Игнатъева выстраивалась очередь из сотрудников компании, арендаторов и иных лиц. Они сами организовывали порядок и своё место в очереди, Лиля в этом процессе не участвовала. Назначать встречи с Игнатъевым было попросту не нужно. Все посетители либо ждали его возвращения, либо своей очереди, везунчики проходили в кабинет директора без остановки, из вежливости спросив разрешения, чтобы войти.

Некоторые из ожидавших откровенно флиртовали с Лилей. Такие люди меня бесили. Эти пожилые ухажёры, владельцы отвратительной растительности под носом и раздутым брюхом, не следили за собой последние лет двадцать. Они не достойны таких женщин, как Лиля, не достойны даже думать, что способны соблазнить её. Это оскорбление. Причём, оскорбление и в мой адрес тоже, как человека, который входит в личное пространство женщин очень осторожно и ненавязчиво. Свои недостатки нужно исправлять, насколько это представляется возможным. Особенно если эти недостатки выпирают наружу, готовые порвать

пуговицы на рубашке, заправленной в джинсы.

Гузель была любимицей Игнатьева, поэтому вела себя с ним увереннее остальных. Её деятельность приносила компании самую большую статью доходов. Долгое время она одна занималась поиском арендаторов, проводила им презентации объектов, вела полный документооборот и решала возникавшие проблемы. При этом она обращалась к директору за советом или помощью только в крайних случаях. Гузель любила сама принимать решения, а Игнатьеву лишь отчитывалась в проделанной работе. Гораздо позже она в разговоре мне как-то сказала: «Он очень старый и весь больной. Не стоит тревожить его из-за мелочей». Возможно, она таким образом проявляла ответственность к работе, но мне казалось, что Гузель просто выслуживается перед стариком.

- Вадим, - Гузель поднялась в приёмную, - возьми листок, ручку и идём со мной.

Мы зашли к Игнатьеву. Сели в таком же порядке, что и на собеседовании. Сначала они поговорили о чём-то, без моего участия. Первое время мне было дико неловко находиться в том кабинете, я стеснялся говорить с Игнатьевым, испытывал небольшую панику, когда он мне задавал вопросы. Я боялся показаться бестолковым, глупым, непрофессиональным, никчёмным грузом, которому придётся ещё и платить деньги.

- Гузель прислала мне отчёт о твоей проделанной работе, - говорил Игнатьев уже со мной. - У тебя хороший темп. Будем ждать реакции. Нам нужно подумать, где бы ещё можно разместить объявления, чтобы весь город знал о наших предложениях. Тебе нужно изобрести что-нибудь.

Он надеялся на меня. Возлагал слишком большие надежды, необъяснимо большие.

- Попробуй что-нибудь придумать, - продолжал Игнатьев. - Можно сделать систему вознаграждений за приглашённых людей, как в магазинах. Подумай над этим, - думать над этой бредовой идеей мне долго не пришлось, все про неё скоро забыли, и я забил. - Раз ты говоришь, что у тебя есть опыт в этом, попробуй изобрести какой-нибудь метод поиска.

Гузель сидела, увлекшись в телефоне. Она вела с кем-то переписку, набирая гигантские объёмы текста, отправляла сообщение, потом снова набирала.

– Никто в городе не может предложить столько помещений, сколько предлагаем мы, – не умолкал Игнатъев. – Я самый крупный владелец недвижимости в Альметьевске. Я уже давно в бизнесе, имею большой опыт и репутацию.

Игнатъев имел привычку перебирать в руках листок бумаги от маленького отрывного блокнота, когда вёл переговоры. Он сворачивал этот листок несколько раз по ширине, потом разглаживал его, крутил и вертел, распахивал веером и просто перетирал большим и указательным пальцами.

– Мы должны быть первыми в списке, когда человек ищет себе офис или торговую площадь, – во время разговора Игнатъев смотрел то на меня, то на свою бумажку. – Поэтому ты должен что-нибудь изобрести, что бы помогло нам.

Он продолжал свой долгий монолог–поручение, Гузель без остановки набирала одно сообщение за другим, а я всё кивал и кивал.

4

Во всём здании отключился интернет. Моя работа полностью встала. Работа Лили приостановилась частично. Она продолжала копошиться, пока я поедал её глазами, сидя напротив.

В приёмной показался мужчина лет сорока пяти, нерусский, ничем во внешности не похожий на программиста.

– Раим! – тут же вскрикнула Лиля. – Интернет пропал.

– Знаю, у всех пропал, – ответил этот мужчина хриплым полушёпотом. – «Большой» у себя? – спросил он про Игнатъева.

– Ушёл он, сразу после планёрки. Долго ещё интернета не будет?

– Не знаю. Обрыв произошёл не у нас – у города.

Мужчина подошёл к Лиле, и они стали разговаривать, как старые друзья. Он то ли решил дождаться Игнатьева в приёмной, то ли самовольно выкроил себе свободное время для пустой болтовни. Я склоняюсь ко второму варианту, поскольку мы с ним впоследствии сдружились, и я слишком хорошо узнал его натуру. Этого человека звали Раим, он работал в компании очень много лет, настолько много, что уже не боялся не работать. Он являлся единственным штатным программистом, хотя в секторе его деятельности программирование занимало наименьшее место. Именно он был в ответе за сбор моего компьютера, которого не было уже третий день.

– Увольняться пора. Давно уже пора, – говорил Раим, когда их разговор перешёл в сентиментальное русло, и Лиля начала расспрос о прошлом компании. – Доработаю последний месяц и точно уволюсь.

– В этом здании гостиница раньше была? – интересовалась Лиля.

– Она и сейчас есть, только не работает. Тут всё так. Многое могло бы работать, если хорошо взяться за управление. Раньше у нас была самая большая ферма в городе. Она и сейчас есть, только не работает, потому что за этим никто следить не хочет. Последние животные на ферме умерли от голода. Никто не подумал, что скотину нужно кормить. Там всё и передохло.

– Как так вышло? – спросила Лиля, после того как похихикала.

– За ферму отвечал старший сын нашего босса. Он сейчас в Казани вроде. Наркоманом стал.

– Наркоманом?

– Он раньше много употреблял. Лечился в клинике, но временами срывался. Когда я его последний раз видел, он был в завязке.

Раим стоял у окна, часто поглядывая на улицу. Он говорил тихим ностальгическим голосом. В той беседе с Лилей он рассказал, что в былые времена в компании была самая популярная сауна города, в которую шла запись с очередью на месяц вперёд. Очереди так же стояли и на автомойках, якобы они были самыми передовыми. Зарплаты платили раза в два больше, а веселья работа доставляла минимум в десять раз больше.

Раим ушёл, не дождавшись «большого». Следом пришла женщина пятидесяти лет в юбке цвета бабушкиного пледа. Её лицо сияло от радости. Гульшат, так её звали, не принесла никакую хорошую новость, она была такой позитивной всегда. Сперва она показалась мне несколько бестактным человеком, поскольку, поговорив с Лилей, она дала мне задание, словно является моим боссом. Это задание было несложным, но меня смутил её приказной тон.

– Интернета же нет.

– Ничего, мне не к спеху. Как интернет появится, найди и пришли мне то, что попросила, хорошо?

– Ладно.

– Запиши мою почту.

Я записал адрес «электронки» Гульшат, а сам уже придумал отмазку, чтобы не выполнять её поручение.

Когда я вернулся с обеда, интернет работал исправно. Игнатъев тоже сидел в своём кабинете. Я только продолжил выкладывать однотипные объявления на сайты, как в приёмную зашла Гузель.

– Идём за мной, Вадим. Не забудь листок и ручку.

Мы снова зашли в кабинет Игнатъева, расположившись в привычном порядке. Я чувствовал себя гораздо спокойнее, зная, что к моей работе претензий пока нет никаких. Гузель умудрялась вести переписку даже во время разговора с Игнатъевым. Она всегда клала телефон на стол и постукивала по экрану пальчиками с длинными ноготками.

Спустя пару минут, по моей спине начали стекать капельки пота. В окно било солнце. Оно обжигало меня, как будто за окном стояло лето. Нигде зимой в России не бывает так жарко, как в кабинете Михаила Васильевича.

– Гузель, нужно возобновить рекламу на радио, – говорил Игнатъев. – Отправь им новые варианты текста, посмотрим, что из этого выйдет.

– Радио уже никто не слушает, Михаил Васильевич, – встрял я в разговор.

Игнатъев вопросительно уставился на меня. Даже Гузель отвлеклась от своего телефона и подняла на меня голову.

– Озвучь свои мысли, Вадим.

Я сглотнул волнение и произнёс:

– Стоит ли на радио тратить деньги? Люди быстрее нас найдут в интернете. Логичнее будет вкладывать деньги в рекламу на популярных сайтах.

– Вадим, давай договоримся, – начал Игнатъев. – Объявления в интернете – это твоя зона ответственности. Твоя и Гузель. Если ты считаешь нужным вкладывать туда деньги, то я не против. Если нам они помогут.

– Конечно, – говорю. – Но для эффективности нам следует провести маркетинговый анализ, чтобы найти наших клиентов. Стоит ли реклама на радио своих денег?

– Мы не потратим ни копейки, Вадим, – отозвалась Гузель.

– У меня есть доля на местной радиостанции, – сказал Игнатъев и улыбнулся мне горделиво. Хотя эту улыбку можно трактовать и как высокомерную, которую используют после того, как человека поставили «на место».

Так или иначе, я почувствовал себя опозоренным самим собой. Чёрт меня дёрнул открыть рот и показать свою озабоченность вопросом. По существу, у меня не было никаких знаний, связанных с маркетингом. В любой другой компании мне не доверили бы даже вкладывать объявления, но я попал к старпёрам и на их фоне выглядел более-менее прилично.

Я работал в приёмной четыре дня. В основном, было тихо и спокойно. Я работал в своё удовольствие без надзора, а напротив сидела прекрасная Лиля, с которой я вытворял всё, что хотел в своих фантазиях.

На пятый день мне всё-таки установили компьютер. Вероятно, Раиму пришлось ограбить музей цифровой техники, чтобы достать для меня тот экспонат. В детстве у моих родителей был такой. Он родом из начала девяностых, моего возраста. Монитор занимал почти всё рабочее место на столе, когда я его двигал, то прилагал большие усилия.

- Другого пока нет, - сказал мне Раим. - Это временно. Потерпи.

Даже клавиатуры современной не нашлось. Она была сальная, пыльная и липкая. Вы ещё помните компьютерные мыши с шариком? Я вот почти забыл, что такие когда-то существовали, но вспомнил о них в тот день. Когда я управлял ею, то стрелка на мониторе еле двигалась, мне не хватало стола, чтобы перемещать стрелку от одного края до другого.

Но самым неприятным для меня явилось моё с Гузель расположение. Наши столы стояли вплотную друг к другу, между нами было максимум два метра. Когда мы сидели за своими компьютерами и смотрели в мониторы, то наши глаза были практически на одном уровне. Казалось, что мы сидим и смотрим друг на друга. Иногда мы забывались, и наши глаза действительно встречались на долю секунды. Было одновременно неловко, смешно и глупо. Мне приходилось нагибаться, чтобы прятаться за монитором, но спина в такой позе долго не выдерживала.

Если бы Гузель была хоть чуточку такой же привлекательной, как Лиля, я легко бы смирился с положением и даже использовал бы ту ситуацию, чтобы пофлиртовать. Но Гузель была красива ровно настолько, насколько было необходимо, чтобы мне хотелось её трахнуть. Её бока слегка выпячивали, но только потому, что она носила слишком узкие джинсы. И эти недостатки были наименьшей проблемой её внешности. Наибольшей проблемой было её некрасивое лицо, которое полностью перебивало всякое желание её сносных форм. Только полное отсутствие сексуальной жизни помогало мне разглядеть в ней женщину.

– Чем ты сейчас занимаешься? – спрашивала меня периодически полушёпотом Гузель.

– Пытаюсь выкладывать объявления. Этот компьютер подгружает сайт больше минуты. На нём невозможно работать.

– От твоих объявлений толка нет никакого. Лучше напиши текст рекламы для радио. Несколько разных вариантов.

– Сколько?

– Десять.

Я написал и с радостью ушёл на обед. Вообще наше общение с Гузель сразу же не задалось. В нём изначально не было лёгкости, а была лишь твёрдая формальность обсуждений рабочих моментов. Я ни разу не говорил с ней по душам, ничего не спрашивал о её жизни, как и она абсолютно не интересовалась мной. С другими, с кем я более-менее сблизился, разговор как-то сам заходил на личные темы, а между мной и Гузель было напряжение. Мы словно не хотели находиться в одном помещении, не хотели работать вместе, причём не по какой-нибудь причине, которая рассорила нас, а просто так. Как будто мы старые любовники, уставшие друг от друга, что даже на ссоры не хватало сил – одна сплошная апатия. А тишине нашего кабинета позавидовали бы старожилы в библиотеках.

«Тук-тук-тук» доносилось через стену из соседнего кабинета отдела кадров. После чего Гузель сворачивала все свои дела и уходила на 15-20 минут. Как оказалось, Гузель и баба из отдела кадров пили чай, я застал их как-то случайно за этим делом. Они были очень дружны между собой, и чаепитие было у них ежедневным по два раза в день, примерно в одно и то же время. Иногда первой стучала об стену Гузель, подавая сигнал, а та в ответ производила такие же стуки, что, видимо, означало положительный ответ.

Впереди меня ждали долгожданные выходные, оставалось доработать меньше часа. Гузель свернула рабочее место и поспешила, чтобы забрать своих детей из детского сада. Но перед уходом, когда она накидывала верхнюю одежду, она сказала:

– В понедельник приди на планёрку вместо меня, я не успеваю отвозить детей в детсад. Впредь ты будешь ходить каждый день на планёрку. Она проходит в кабинете Михаила Васильевича, начало в 7:30.

Сказала Гузель и ушла. Надеюсь, именно туда, куда я её про себя и послал.

6

Уехав на учёбу в Казань, я разорвал все связи со своими школьными друзьями, быстро заимев новые знакомства. Наверное, ещё около года я поддерживал кое-какие контакты с парой человек, но и они со временем исчезли. Но была одна девчонка со школы, которая продолжала мне писать все эти годы, по имени Алёна. Она встречалась с одним из моих лучших школьных друзей, так мы и познакомились, и я замечал, что она и ко мне была не равнодушна. С тем моим другом они расстались, после окончания школы он тоже уехал учиться в Казань, а она осталась в Альметьевске. В переписке мы близко сдружились, но не более, и когда я приезжал на выходные или каникулы из Казани, то частенько мы проводили вместе время.

На самом деле, мы исключительно вместе пили, когда виделись. У нас было любимое место; мы покупали себе по бутылке или две пива, чипсов или прочего закусона, и вечером шли на ипподром, который находится за городом. С этого ипподрома открывается чудный вид на вечерний город, огни которого отражаются в небольшом озере. Раньше, в той самой славной стране, это место являлось городским пляжем, теперь же всё поросло, как и сам пруд. А в конюшнях вряд ли найдётся хоть одна лошадь. Этим нам место и нравилось – оно было безлюдным.

Мы располагались на трибуне, в самом дальнем углу, вели себя не тихо, но вели опрятно. Я не проявлял к Алёне никакого сексуального влечения все эти годы, возможно, поэтому мы смогли по-настоящему подружиться. Конечно, она была симпатичной, но мы виделись с ней раза два в год, а больше и не могли из-за расстояния, поэтому я даже не пытался ничего предпринимать.

Я вспомнил об Алёне в те выходные и позвонил ей, позвав на очередную попойку.

- Почему не говорил раньше, что ты в городе? – ругала меня Алёна.

- Было немного не до этого.

- И давно ты здесь?

- С Нового года.

- Боже! Ладно. Зайдёшь за мной вечером?

- Конечно.

Между мной и Алёной не было никаких преград в общении. Если бы не её сиськи, то я бы воспринимал её, как своего закадычного кореша с бабьей причёской. Мы легко общались на разные темы, в особенности на темы секса, отношений и наших неудач с противоположным полом. Она искренне смеялась над моими шутками, а всё потому, что с ней я чувствовал себя невероятно раскованно, не как с другими девчонками. Мы с ней как два кореша – говорю же.

По рядам мы пробирались к нашему месту. Каким-то образом наш пустой разговор зашёл о женских попках. Я высказывал мнение об идеальной форме женской задницы, и она меня спросила:

- А у меня хорошая попа?

«Немного тощевата», – подумал я.

- У тебя попа, что надо, – отвечаю. – Мне как раз такие и нравятся.

- Я иногда смотрюсь в зеркало, и мне кажется, что она у меня слишком худая.

- Не люблю толстые задницы. Может, уже сядем?

- Идём подальше, чтобы нас никто не увидел.

У каждого своё пиво. У неё светлое слабоалкогольное – у меня любое крепкое. Мы пьём, отрыгиваем и без остановки говорим, перескакивая с темы на тему, как по сценарию.

– Кстати! – воскликнула Алёна и пошарила по карманам в поиске телефона. – Я познакомилась с одним парнем, его зовут Дима...

– Как?

– Дима. Ты должен его увидеть.

Алёна показала мне фотографию полу облысевшего парня моего возраста, круглолицего, на вид типичный тафгай. Он сидел за рулём, видимо, своей машины с потертыми сиденьями.

– Что скажешь?

– Не твой вариант.

– Ну!

Алёна рассмеялась, а я был по трезвому серьёзен.

– Ты посмотри на него, он же плешивый.

– Не называй его так.

– Каков есть.

– Мы с ним уже два раза ходили на свидание. Катались по городу в его тачке.

– Не трать на него время.

– Почему?

– Он похож на деревенского быдло.

Алёна цокнула и внимательно взгляделась в фотографию.

– Нет, он очень милый, – говорит. – Рассказывал, что очень любит своих родителей и сестрёнку.

– Что это значит?

– Он заботливый.

– Многого от него не жди. Я знаю, о чём говорю. Не хочу, чтобы ты снова страдала из-за того, что тебя бросили.

– Дурачок ты.

Я знал, что незадолго до того Алёна смогла наконец отвязаться от одного мудака, который портил ей жизнь. Он ссал ей в уши о любви и прочем, а сам был с ней, только чтобы трахаться. Алёна понимала это слишком долго, сколько бы я её не отрезвлял. Потом они расстались, но ещё множество раз пересекались для быстрого перепихона в тачке, а всё потому, что Алёна продолжала давать ему шанс на исправление. Но штука заключается в том, что доброта мудаков не исправит. В конце концов, Алёна окончательно разочаровалась в том парне настолько, что даже говорить о нём не хотела. И после тех паршивых отношений, которые продолжались три или даже больше лет, я не хотел, чтобы моя подруга вляпалась в подобное снова. Дима с первого взгляда показался мне именно тем, кто без доли благородства будет просто использовать мою Алёну.

– Найди кого-нибудь другого, – говорю.

– Кого?

– Кого-нибудь получше.

– У меня есть ещё один тип, он пишет мне уже две недели, предлагает встретиться, но я пока что думаю. Сейчас покажу его.

Алёна показала мне фотографию довольно симпатичного и опрятного мужчины старше нас на лет десять.

- Этот хорош, - говорю. - А чего думаешь?

- Он женат. И у них есть ребёнок.

- Понял. Забудь его.

- Я думала, если с Димой ничего не получится, то я с ним попробую.

- Нет, забудь. И Диму, и этого женатика.

Алёна запрокинула голову назад, вздохнула, выдохнула, проскрипела, играючи похныкала и произнесла:

- Я такими темпами стану феминисткой, или уйду в монастырь. Нет, лучше в феминистки.

- Тебе всего-то двадцать пять лет, не скули.

- Некоторые к этому возрасту успевают выйти замуж, родить ребёнка, развестись и снова выйти замуж уже с ребёнком на руках. Как у них это получается? Ты бы смог жениться на девушке с грузом?

- С «грузом»? Тебе стоило бы поработать над лексиконом, прежде чем идти в феминистки.

- Ты знаешь, что Ксюша родила? - спрашивает меня Алёна, пережёвывая чипсы.

- Знаю. А она замужем?

- Да. Она беременной выходила.

- Я не удивлён.

- Я не вижу в этом ничего плохого. Если мужик нормальный, то беременность просто ускоряет время свадьбы. Насколько я знаю, они хорошо живут.

- Лотерея.

Она любила заводить разговоры на тему женитьбы наших школьных друзей.

- Рустам женился, - говорит.

- Знаю.

- Андрей?

- Знаю.

- Альбина?

- Не знал.

- Давно уже. Её ребёнку больше года.

- Тоже по залёту?

- Ну да.

- Что за мода? Из наших кто-нибудь женился по любви?

Алёна призадумалась.

- Гульназ, - отвечает.

- В школе я был влюблён в Гульназ.

- Знаю. Ты рассказывал. А я тебе нравилась в школе?

- Не очень.

- Боже! Я была такой уродкой! Я смотрю сейчас на свои школьные фотографии, и не понимаю, как могла носить такую ужасную одежду и причёску. Я сама себе не нравлюсь. Помнишь мою уродливую чёлку?

Поговорив немного о чёлках, мы выяснили, что они в принципе не могут быть привлекательными, и что у них есть только одно преимущество.

- Удобнее отрыгивать, если перепила, - говорит Алёна.

- В смысле?

- Меньше волос нужно держать.

- Ясно.

7

На планёрку я пришёл раньше положенного. Постепенно люд начал толпиться в приёмной и вокруг самой Лили, ожидая Игнатьева. Вскоре незнакомых лиц стало слишком много, я вышел в коридор, но и там стояло двое-трое незнакомцев.

Пришёл Игнатьев. И, пока он избавлялся от верхней одежды, некоторые зашли в его кабинет и сели на места, другие оставались ещё в приёмной. Я зашёл в кабинет и заметил себе место на диванчике. Тут же зашла Лиля и попросила меня пересесть, потому что я занял её место. Я подвинулся в сторону, но то место было зарезервировано, за бабой из отдела кадров, о чём Лиля меня так же уведомила. Я встал, пошёл в другой конец кабинета и сел на свободный стульчик.

- Там тоже занято, - сказал мне кто-то.

– Хватит его гонят, он ведь не маленький, может и сдачу дать, – усмешливо заступился за меня Игнатъев.

Я пересел на другой свободный стульчик, с которого меня уже никто не пытался прогнать. Хозяина того стульчика так и не нашлось, видимо, именно на нём всегда сидела Гузель, поэтому все последующие планёрки только там я и сидел.

В общей сложности на планёрке присутствовали около пятнадцати человек, не считая Игнатъева, мы все расселись на стульчиках и диванчиках вдоль стен. Игнатъев по очереди стал спрашивать с каждого из нас, повторяя один и тот же вопрос: «Что у вас?». Я был третий на очереди, передо мной сидели две женщины, первая средних лет, а вторая раза в два старше её, и пока они отвечали перед директором, я придумывал, что бы сказать мне.

Очередь дошла до меня.

– Вадим, что у вас? – спросил Игнатъев.

– Работаю по плану, – отвечаю. – Только на таком компьютере быстро работать не получается.

– Я знаю твоё положение, Вадим. Видел, на чём тебе приходится работать. В ближайшее время постараемся заменить тебе монитор. У нас, по-моему, где-то были исправные современные мониторы.

– Проблема не в мониторе, он меня меньше всего беспокоит.

– Раим, когда у нас получится поменять Вадиму монитор? – Раим сидел в самом конце очереди.

– Я занимаюсь этим, – отозвался тот. – Постараюсь на этой недели полностью собрать компьютер.

– Хорошо, – сказал Игнатъев Раиму и обратился ко мне: – потерпи ещё немного, мы обязательно заменим тебе монитор.

– Проблема не в мониторе, – сказал я, но меня никто не услышал.

Очередь перешла к следующему человеку, я ещё немного пытался вникнуть в разговор, но он меня совершенно не касался, поэтому вскоре заскучал.

Планёрка закончилась. Все стали выходить из кабинета. Я направился вслед за всеми один из последних. Я специально переждал немного, чтобы не плестись в общей массе.

Когда я проходил по коридорчику и уже был у самой лестницы, из последнего кабинета выглянула Гульшат, она тоже присутствовала на планёрке, будучи единственным юристом в компании. Гульшат надеялась застать Раима, пробубнив что-то про него, но тот всегда уходил один из первых. Недолго думая, Гульшат обратилась ко мне, на самом деле я чуть не врезался в её дверь, когда она резко вышла из своего кабинета.

– Вадим, ты разбираешься в компьютерах? – спросила она меня. – Мне срочно нужно подключить сканер.

Я решил помочь ей снова, ведь прошлое её задание я в итоге выполнил.

Мы прошли в кабинет, она усадила меня за своё рабочее место, перед компьютером. По левую руку стоял сканер, который необходимо было подключить.

– А что не так? – спрашиваю.

– Не знаю. Раим уже который день не может с ним разобраться. Но сегодня он мне очень сильно нужен.

Я выдернул провод, ведущий от сканера к компьютеру, и подсоединил снова. В нижнем углу экрана вышло уведомление об «установки нового оборудования». Я дал разрешение на эту установку, и спустя секунд тридцать рапортовал Гульшат:

– Должно быть готово. Нужно проверить.

– В сканере лежит листок, попробуй отсканировать его, – сказала мне Гульшат, которая всё это время стояла рядом.

Я попробовал. Сканер заскрипел, и вдоль крышки побежала полоска света.

– Наконец-то! – Гульшат начала радоваться, как маленькая девочка, и заулыбалась характерной ей жизнерадостной улыбкой. Когда улыбалась Гульшат, она очень сильно щурилась, делая глаза полумесяцем, брови поднимала высоко вверх, а её рот резко раскрывался, выстреливая поток радости. И так каждый раз.

Гульшат увидела во мне талант программиста, раз уж я так быстро справился с её проблемой, сродни с Цукербергом или даже круче. Она тут же осадил меня новыми просьбами, наклонившись очень близко ко мне, чтобы приблизиться к монитору. От Гульшат пахло, как от молодой девушки (духами и общим женским запахом), вблизи её губы были лишь слегка морщинистые. Короче, от неожиданного сближения с ней я сумел точно возжелать её физически, хоть она была раза в два старше меня.

Среди прочего Гульшат говорила, что ей нужно помочь зарегистрироваться на иностранном сайте знакомств и найти уже себе мужа. Она думала о странах Ближнего Востока, якобы там мужчины уважительнее относятся к женщинам.

– Я чувствую, что созрела для брака, – разговаривалась Гульшат. – Намного лучше, когда в доме есть мужчина. Когда есть мужская рука.

Гульшат рассказала коротенькую историю про свою родственницу, которая тоже недавно вышла замуж, и после этого её быт наладился.

– К тому же с мужчиной как-то спокойнее, – говорила со мной Гульшат, как с подружкой. – Ты понимаешь меня? Мне кажется, я полностью готова для замужества.

В ответ я лишь поддакивал.

У неё зазвонил телефон, и мне пришлось уйти. Я вернулся в свой кабинет, где меня уже ждала Гузель.

– Ты где был так долго? Валентина Александровна уже давно вернулась с планёрки, – негромким, но суровым голосом спросила она с меня.

Я ответил, как было, и сел за компьютер. Гузель достала со шкафчика коробку с ключами, нашла нужный и подошла ко мне.

– Вот ключ, – говорит. – Скоро должен подъехать человек, покажешь ему помещение. У меня не хватает времени, чтобы ездить с клиентами по адресам.

Гузель действительно время от времени уезжала на полчаса или даже на час с очередным человеком, чтобы показать ему интересующий объект. Пока её не было, я успешно не работал. Как правило, смотрел результаты матчей НХЛ, и просто гулял по интернету. С того дня к моим обязанностям прибавилась новая – моя самая любимая.

Через некоторое время в наших дверях появился мужчина средних лет.

– Это отдел аренды? – поинтересовался он.

– Да-да, заходите, – ответила Гузель. – Вадим, одевайся.

Пока я одевался, Гузель объяснила клиенту, как и куда проехать, и договорилась, чтобы он непременно привёз меня обратно. Мы сели в его машину и поехали в промышленный район города, где я никогда в своей жизни не был. Из разговора я понял, что этот человек занимается ломом в нескольких городах и теперь хочет обосноваться в Альметьевске. Мы хорошо разговорились, он оказался славным мужиком.

– Если честно, я здесь первый раз и не знаю, куда идти, – сказал я, выходя из машины, когда мы приехали на место.

– Я знаю. Я уже был здесь. Просто откроешь мне дверь.

Вокруг нас было много разных складов, как оказалось, только один из них принадлежал нашему старику. Мы подошли к тому, который выглядел хуже остальных: у него были разбиты стёкла, да и общий вид был неважен. Я начал открывать замок, и в это время к нам подошли два типа в робе. Они все друг с другом перездоровались.

Я отпёр замок и потянул за дверь. Тяжёлая железная дверь только сошла с места и тут же встряла. В образовавшую щёлочку не пролезла бы даже кошка. Петли все заржавели, и отказывались двигаться дальше. Клиенты отодвинули меня в сторону и втроём пытались раскрыть дверь.

Когда они выдохнули, щёлочка стала заметно больше. Самый худой из них смог пролезть вовнутрь и толкал дверь уже изнутри.

– Ладно, нам этого хватит. Дверь мы всё равно поменяем, – сказал самый главный из них, тот, с кем я приехал.

Они все скрылись в тёмном помещении, а я остался на улице и курил одну за другой, наслаждаясь спокойствием.

Спустя минут двадцать все вернулись. Они были на позитиве. Мы постояли и поболтали на улице ещё несколько минут. Я старательно поддерживал разговор, чтобы подольше не возвращаться в офис. Мне понравилось не быть под постоянным надзором, понравилось выполнять рабочие обязанности в своём собственном темпе. Я надеялся, что Гузель впредь только меня станет отправлять на подобные выезды, а крысиные офисные заботы оставит своей нудной душонке.

Когда мы возвращались обратно, продолжая нашу болтовню, я так и сказал, что мне больше по душе куда-нибудь выезжать, чем сидеть в душном кабинете. Тот мужик согласился со мной и замедлил ход.

8

С того момента, я каждый день начал наведываться в кабинет Гульшат. Либо сразу после планёрки, либо в течение рабочего дня. Я забегал к ней, как только находил свободную минуту, когда Гузель меня отправляла по какому-нибудь делу. Мы болтали о разном, но, в основном, о любви и отношениях. Гульшат вела себя очень открыто со мной, откровенничала о своём желании встретить хорошего мужчину, чтобы обрести семью, жить семейной жизнью и заниматься любовью. Она мне так однажды и сказала:

– Хочется просыпаться с кем-то в одной постели, ходить вместе по магазинам, заниматься сексом...

Я пытался сблизиться с ней. Набирался смелости, чтобы начать открытый флирт. Но опыта в этих делах у меня практически не было. Гульшат и не подозревала, что я запал на неё. Учитывая нашу разницу в возрасте, вряд ли она могла предположить моё тайное вожеление к ней. Для неё я оставался славным молодым коллегой, который ненадолго отвлекает от рутины, ведь она тоже ненавидела свою работу. Она мне так однажды и сказала:

– Спасибо, что заходишь ко мне. Благодаря тебе я немного забываю о работе...

По телефону я как-то обсуждал эту ситуацию со своим казанским другом. Я не сказал, что Гульшат раза в два меня старше, да это было и неважно в контексте. Я рассказал своему другу всё так, будто я сам не стремлюсь сблизиться с ней, якобы она слишком стара для меня.

– Ты упустил возможность заняться с ней сексом, – говорит он мне.

– Почему?

– Женщина не будет так просто разговаривать о сексе. Они так делают только, когда хотят с кем-нибудь переспать. В смысле, со своим собеседником.

– Я не заметил от неё ничего такого.

– Они не выставляют это напоказ. Тут нужен опыт, чтобы распознать.

«Предположим», – подумал я и следующим днём решил что-нибудь предпринять. После планёрки я не смог попасть к Гульшат, там уже был Раим, и они очень раздражающе гоготали. Я испытал чувство ревности, но остыл и заскочил к ней сразу, как нашёл время.

– Хорошо, что ты пришёл, – говорит Гульшат.

– Я и сам рад свалить от Гузель.

– Вы с ней не ладите? Она меня тоже немного раздражает. Не люблю тех, кто подлизывается к начальству. Михаил Васильевич только её одну и хвалит. Причём хвалит не тебя, а её, за то, что увеличилось количество арендаторов. Ты пришёл и начал заниматься объявлениями, а все заслуги Гузель.

Я промолчал, потому что не хотел расстраивать Гульшат, ведь, на самом деле, от моих объявлений толку не было никакого. Те клиенты, что приходили к нам, узнавали о нас от других клиентов или услышали по радио.

– Хочешь чай?

– Нет, спасибо. Вам нравится здесь работать?

– Как сказать. На предыдущей работе я зарабатывала в два раза больше, чем сейчас, и коллектив там был замечательный, и на работу я каждое утро с улыбкой собиралась.

– А почему ушли с такой работы?

Гульшат задумалась. По её выражения лица мне стало ясно, что она не особо хотела поднимать эту тему. Но она всё-таки решила признаться.

– Руководитель нашей компании стал меня часто вызывать в свой кабинет и намекал на разные неприличные вещи. Я первое время пыталась мириться с этим, к тому же моя мама уговаривала закрывать на всё глаза, чтобы не потерять хорошую работу. Но в итоге, я смириться не смогла, когда он начал откровенно приставать ко мне. Я лучше буду работать на плохой работе, но терпеть грязные приставания я не хочу.

После этих слов у меня отпало всякое желание флиртовать с ней, будто мой член взяли под прицел. А потом она добавила:

– Я в принципе не выношу подобное. Ко мне иногда добавляются в друзья молодые люди и пытаются познакомиться, – она имела в виду в популярной социальной сети. – Чего им от меня нужно?

Я прекрасно понял, что им от неё было нужно, да и она, конечно, тоже понимала. Гульшат столь трепетно говорила последние слова, что обрубил мне этим все подходы к ней. Вот как нужно подкатывать к таким женщинам? Ведь она сама мне говорила, что хочет отношений и секса. Не именно со мной, конечно, но она должна быть открыта к мужчинам, которые интересуются ей. Я ведь мог оскорбить её, если бы тоже полез с намёками и прочим. Короче, я временно забил.

9

Мой выезд с клиентом на объект всегда выглядел одинаково: человек приезжал за мной в офис, я забирал нужный ключ из небольшой коробочки, и мы выезжали на осмотр помещения, после чего меня снова доставляли до офиса. Хорошей новостью для меня явилось то, что Гузель не требовала от меня навыков профессионального риелтора. По сути, от меня требовалось только присутствовать с клиентом на осмотре. Чтобы был человек от компании. Чтобы был ответственный за ключи. Я был ключником. Все остальные вопросы Гузель брала на себя. Она настаивала на этом, по всем сложностям и вопросам я должен был связываться с ней. И я был абсолютно не против такого положения.

Я уже не выкладывал объявления, сидя за компьютером, мне приходилось искать себе работу. Я плохо представлял, чем мне нужно заниматься ежесекундно, потому что не знал сферу своей ответственности. Мне никто не объяснил, что мне нужно делать, кроме как выкладывать грёбанные объявления, которые я перестал выкладывать уже на второй неделе. Это было пыткой для меня. Это было самое ужасное, с чем я столкнулся на этой работе. Все поручения я выполнял, иногда со сложностями, но выполнял. Но искать самому себе занятие – это глупо, нудно и очень сложно.

Именно по этой причине я полюбил выезды на осмотр помещений. Чем больше оно было, тем дольше я мог там задержаться. На одном из таких я пробыл всю вторую половину дня. Вернувшись с обеда, в нашем офисе появился человек. Мы покатали с ним через полгорода. То была гостиница или же хостел. Тому клиенту нужен был именно хостел.

Мы остановились у одинокого здания в промзоне. Оно было облезлое и неухоженное. Я вставил ключ в замочную скважину и применил мужскую силу. Ключ переломился, словно сухая ветка, да так, что лезвие осталось внутри замка.

– Китайская одноразовая херня! – выругался я.

– Как теперь мы попадём внутрь? – спросил меня клиент.

Точно не через ту дверь. Лезвие надломилось заподлицо, нужны были инструменты, чтобы вытащить его из замка. К тому же другого ключа у меня не было.

Я позвонил Гузель.

– Уф, и что теперь делать? – возмущалась она. – Ладно, приезжайте в офис, дам тебе другой ключ от запасного входа.

Мы съездили за другим ключом, тот оказался толстым и жёстким, каким и должен быть настоящий ключ.

– Не сломай его, – сказала мне на прощанье Гузель.

Я мысленно послал её, и мы снова покатали к хостелу. На сей раз нам пришлось обходить здание по нечищеному снегу выше обуви, под которым была вода. Я шёл впереди, а клиент по моим следам.

Дверь отрылась без проблем, мы вошли внутрь и оказались в неплохом помещении. Внутри оно выглядело гораздо лучше, чем снаружи. Здание было двухэтажным; что на первом, что на втором этаже некоторые комнатки были нараспашку открыты, другие же закрыты на замок. Мы позаглядывали в открытые комнатки и вместе подивились неплохим ремонтом и приличными кроватями – для хостела самое то. Ещё на первом этаже была прачечная и комната для персонала. В них попасть мы не смогли, но в душевые и туалет мы попали.

Тот клиент был под видимым впечатлением от помещения, даже больше, чем я, а я никак не ожидал увидеть нечто хорошее во владении Игнатьева. Стоит отметить, что я не видел ни единого помещения, пока сам туда не приезжал. У Гузель не было ни одной фотографии объектов до моего прихода. Я фотографировал всё, куда приезжал первый раз: сначала для объявлений, а потом на всякий случай. До того я бывал на каких-то развалинах, именуемых в компании складом или помещением свободного назначения.

Мы потратили на осмотр хостела несколько часов, я даже устал. Гузель звонила пару раз, спрашивала: «Как дела?». Я отвечал, что клиент ходит по этажам по кругу и обдумывает что-то про себя без конца – так оно и было. Мы приехали обратно в офис за полчаса до конца моего рабочего дня. Гузель уже не было. Она всегда уходила на полчаса или даже час раньше меня, чтобы забирать детей. Поэтому, по сути, мой рабочий день всегда длился до 16:00 или 16:30, оставшееся время я тупо чилил.

Второй такой же долгий осмотр случился у меня днями позже. Я так же вернулся с обеда, как Гузель мне говорит:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kuznecov_vladislav/provinciya

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)